

ПЕДАГОГИКА**Pedagogics**

УДК 37.013.73

© Куликов М. В., 2020

**ФРИДРИХ НИЦШЕ: ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ
СОВРЕМЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ АНТИЧНОСТЬ?**

В статье рассматриваются педагогические взгляды Фридриха Ницше, его критика существующей системы образования и набросок идеала образования как воспитания, основанного на античном опыте пайдейи.

Ключевые слова: воспитание; пайдейя; утилитарность; гений; дух.

© Kulikov M. V., 2020

**FRIEDRICH NITZSCHE:
WHAT CAN GIVE ANTIQUE FOR MODERN EDUCATION?**

The article examines the pedagogical views of Friedrich Nietzsche, his criticism of the existing education system and the project of education as upbringing based on the ancient experience of Paideia.

Keywords: education, paideia, utilitarianism, genius, spirit.

Влияние, оказанное идеями Фридриха Ницше, выходит далеко за пределы академического философского сообщества. Необычным для своего времени был яркий, метафоричный стиль философствования, неожиданным был взгляд автора на историю философии, его критика морали, религии, семьи, различных форм общественной и политической жизни. Нескольким обособленно по отношению к основным идеям остаются педагогические взгляды философа, его отношение к образованию, университету, воспитанию, учителям и т. д. Тема эта

не является хоть сколь либо центральной в его творчестве, и критических работ по данной проблеме не так много. Отдельные мысли, посвященные вопросам образования, содержатся в таких его сочинениях, как «Человеческое, слишком человеческое», «О пользе и вреде истории для жизни», «Мы, филологи», но наиболее полно они представлены в курсе лекций еще молодого профессора Базельского университета «О будущности наших образовательных учреждений». Сестра философа свидетельствовала: «Уже в свои студенческие годы брат много

думал над проблемой воспитания и выражал свои мысли по этому поводу... Первые пять докладов он прочитал в январе, феврале и марте 1872 г., но нездоровье и конец семестра помешали ему прочитать шестой доклад. Доклады вызвали сенсацию, доходившую до энтузиазма» [4, с. 405]. Вместе с тем, сам автор отклонил идею публикации цикла лекций, на что имелись веские причины: «Серьезный писатель, излагающий своему народу свои мысли об образовании и образовательных учреждениях, надеется, как правило, оказать безграничное влияние на будущее и, соответственно, на столь же необозримое число читателей. Но с этой книгой дело обстоит иначе, и потому отличающий ее своеобразный характер решения проблемы образования следует оговорить заранее. Ибо условием ее длительного и широкого влияния служит именно незначительное число читателей, притом такого рода, о котором будет сказано ниже. И, напротив, чем более широкая, неизбранная публика завладеет этой книгой, тем меньшее удовлетворение будет испытывать ее автор» [5, с. 233–234.]. В некотором роде нарушив завещание автора, опасаясь приобщения к тексту публики неизбранной, но надеясь на «читателей особого рода», рассмотрим содержание цикла этих лекций и отдельных педагогических вопросов,

встречающихся в иных его работах, подробнее.

Как и следовало ожидать, касаясь вопросов образования, Ф. Ницше декларирует неудовлетворительное состояние европейской культуры, выражающееся помимо прочего в снижении глубины знаний и требований к обучающемуся, культе посредственности, кризисе аристократизма, подавлении уникальности, обобществлении, торжестве узкоспециальных знаний над универсальными, вечной нехватке времени и т. п. Неудовлетворительное состояние образования не есть его «неэффективность» в понимании государственных чиновников, выраженная в снижении успеваемости, неправильной методике обучения, отсутствии научного обоснования критериев оценки качества образования, а в смысле извращения сути образования, которое из культивирования «аристократов духа» превратилось в конвейер по производству «высококвалифицированных специалистов». Как Ф. Ницше объясняет причины столь удручающего состояния важнейшего общественного института?

Философ обнаруживает две фундаментальные тенденции: «с одной стороны, стремление к возможно большему расширению образования, с другой стороны, стремление к уменьшению и расслаблению его. Сообразно

первому стремлению следует перенести образование во все более широкие круги; сообразно второй тенденции предполагается, что образование должно отречься от своих чересчур автономных притязаний и встать в служебное и подчиненное отношение к другой жизненной форме, а именно к государству» [4, с. 408]. Расширение образования является проявлением общей демократизации общества, т. е. включения в общественную и политическую жизнь все больших слоев населения. «Излюбленным политико-экономическим догматом настоящего» является расширение образования, как следствие, рост производства и потребления, что максимизирует общее счастье: «Здесь цель и результат образования — польза, вернее, нажива, возможно большая денежная прибыль. Образование определяется этим направлением приблизительно, как сумма знаний и умений, благодаря которой держатся на уровне своего времени, знают все дороги к легчайшей добыче денег, владеют всеми средствами, способствующими общению между людьми и народами. Настоящей задачей образования была бы, сообразно с этим, выработка возможно более годных к обращению людей... Чем больше таких годных к обращению людей, тем счастливее народ; и задача современных образовательных учреждений должна заключаться в

том, чтобы помочь каждому возможно более развить задатки своей способности стать годным к обращению, дать каждому такое образование, чтобы он черпал из своей суммы знаний и умений возможно большую сумму счастья и выгоды. Каждый должен уметь правильно таксировать себя самого и знать, чего он вправе требовать от жизни» [4, с. 388]. Другое назначение образования — «идеологическое», которое заключается в формировании «правильного» или «системного» (в смысле встроенности в систему) образа мысли, по поводу чего Ж. Деррида писал, что государство через преподавателя имитирует голос матери, а затем, следуя «интеллектуальной честности», «разоблачает» Эдипов комплекс, приобретая «отеческую» власть над умами обучающихся. В свойственной ему саркастичной манере Ф. Ницше замечает, что пока университет говорит о своих академических свободах, пока обучающиеся свободно следуют беспристрастной объективной Науке, «позади обеих групп на почтительном расстоянии стоит государство с напряженной физиономией надсмотрщика, чтобы время от времени напоминать, что оно является целью, конечным пунктом и смыслом всей этой странной говорильной и слушательной процедуры» [4, с. 391]. То, что сегодня называется «востребованностью», «практикоориентиро-

ванностью» образования, его «актуальностью», т. е. экономической или системной целесообразностью, вызывает у автора раздражение, усугубляемое к тому же тем, что говорить о кризисе образования, науки, рациональности, университета ему приходится в аудитории все того же университета, используя те возможности, которые ему предоставила все та же европейская культура.

Что касается тенденции сокращения образования, то Ф. Ницше пишет, что количественное увеличение привело к снижению качества образования, которое стало «все более случайным и кажущимся». Современный учитель утратил универсальную, единую картину мира, стал жертвой узкой специализации, фрагментации: «Невежество относительно всего, что лежит за пределами специальности, выставляется напоказ как признак благородной скромности» [4, с. 349]. Застрыв в своей узкоспециализированной теме, учитель выступает жрецом в храме «знания ради знания», транслируя набор истин, необходимых только лишь для овладения ими, сдачи экзамена, получения удовлетворительной отметки, не проникая в душу обучающегося, не облагораживая ее: «Их учат, как потерянный отряд, жертвовать собою, чтобы привлечь новые поколения к тому же жертвоприношению. Общение с

наукою, когда оно не руководится и не ограничивается никаким высшим правилом воспитания, а только все более разнуздывается, на основании принципа “чем больше, тем лучше”» [3]. Ф. Ницше презрительно, желчно пишет о своих коллегах по профессии, заикнувшихся на своей самоудовлетворенности, упивающихся своим «особым» статусом проводника в мир Истины и Знаний, и не замечающих реальности своего неутешительного положения. Лишь подлинно глубокие, интеллектуально честные люди могут обнаружить ту бедность и удовлетворение откровенным ничтожеством того, что дает институт образования, который автор называет «кунсткамерой бестолковых голов и устарелых учреждений» [3].

Следующее критическое замечание автора свидетельствует о его пророческих талантах. Ф. Ницше пишет, что «кульминационным пунктом своеобразных образовательных стремлений настоящего» занял не университет, а журналистика, газета. Освоение наук — сложный, кропотливый труд, а современность требует быстроты решений, минимальных затрат, поэтому работа учителя обесмысливается, подменяется легкими готовыми решениями из «просвещенных книг, одна стилистика которых уже отмечена отвратительной печатью теперешней варварской образованно-

сти» [4, с. 352]. Университет стал слишком неповоротлив для настоящего времени, динамичный мир требует не фундаментальной университетской подготовки, а легкой, гибкой системы переподготовки, мастер-классов, посредничества тьюторов. Он, конечно, не мог знать о компьютерных технологиях и интернете, но точно уловил тенденцию подмены глубокого образования поверхностными, обрывочными, бессистемными фактами.

Подведем главный итог критического запала автора: современное ему образование перестало быть целью само по себе, став средством иных, частных, утилитарных целей, их формирование подлинно цельной, глубокой, духовно богатой личности оно превратилось в средство подготовки «успешных людей».

Содержала ли работа Ф. Ницше созидательное значение? Да, автор предлагает свой идеал образования. Подлинной его задачей является освобождение индивидуальной души от оков привычки и порабощенности ленью. Люди ошибочно полагают, что подлинное «Я» находится в нас самих, есть наша сущность. Такое понимание ошибочно дано нам христианством с ее утверждением души как частицы божественного в нас и платоновской мыслью о душе и разуме как хранильнице вечных универсальных идей, которые могут быть саморазвернуты в

нас в акте припоминания и философской рефлексии. Подлинная сущность человека, его «сверхчеловечность» не внутри нас, а вовне, его лишь предстоит достичь через напряженный труд по освобождению духа. Именно в пробуждении человека от самодовольной успокоенности и движении на пути к встрече с подлинным Я и состоит задача воспитателя, который выступает по отношению к воспитуемому не как надсмотрщик, а как освободитель, разрушитель привычных, удобных и убогих представлений о мире, подсказанных традицией, опытом, неправильным образованием, здравым смыслом: «Не преподаватели гимназий, не университетские профессора, а воспитатели нужны нам — об этом то и забыли... Нам нужны воспитатели, причем сами воспитанные, незаурядные, аристократы духа, доказавшие это и на деле, и словом, сказанным или, напротив, не сказанным, люди зрелой культуры... [4, с. 377].

Образование должно прекратить свою экспансию в массы, усредненные стандарты образования дают лишь посредственные результаты. Образование должно быть элитарным, но не в смысле недоступности по соображениям экономического характера, а в смысле неспособности для большей части освоить его. Образование должно стать не только меньшим

в количественном отношении, оно должно стать качественно иным, наполненным нравственным воспитанием, чего лишено современное образование, где студента воспитывает наука, объективная, беспристрастная абстракция. Немецкий философ пишет, что «фактически мы живем унаследованным капиталом нравственности, который накопили наши предки и который мы умеем не умножать, а только расточать» [3]. Отсутствие нравственного фактора в образовании есть причина его обеднения, оскудевания, когда даже самые лучшие его представители могут считать себя специалистами, профессионалами, но не уникальными личностями или, как их называет Ф. Ницше, титанами духа, гениями.

Что, по мнению немецкого мыслителя, должно содержать в себе образование, чтобы быть подлинным и нравственным? Он предлагает для этого три «мерила»: первое — потребность в философии, второе — формирование художественного, творческого начала, и третье — приобщение к богатейшему античному наследию «как воплощенным категорическим императивом всякой культуры» [2], т. е. безусловным образцом, на который мы должны ориентироваться. Если с философией и искусством все более или менее понятно, то в чем Ф. Ницше усматривает значение

Античности для нас? Древние греки были более близки, чем мы, к разрешению главных проблем жизни, ее осмысленности и высокого предназначения. Образование должно быть самоцелью, а не средством, что и подразумевал Аристотель в идеале «пайдейи» — «естественно присущего древним грекам стремления к образованию и культуре» [1, с. 7], изучение наук и приобщение к духовным ценностям не ради практической пользы, а ради облагораживания духа. Античная пайдейя связана с идеей влияния на природу человека, влияния не механицистского, рационально-технологического, а «естественного», что сближает это воздействие с культивацией, т. е. облагораживанием, приобщением к культуре. Воспитание античного грека было направлено на формирование *арете*, понимаемой как знатность, аристократизм, добродетель, доблесть — у Гомера, любовь к труду — у Гесиода, на воспитание в человеке любви к Отечеству у спартанского поэта Тиртея, на воспитание силы и невозмутимости перед превратностями рока в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида. Воспитание воспринималось как сократовская терапия души, обращение в глубины себя, исчерпание знаний и добродетелей в собственной разумной природе, воспитание было утверждением высшего идеала Блага в земной жизни —

формированием платоновского государства, республики мудрецов как выражение человеческой души в мире. Пайдейя и есть залог и условие становления культуры, духа. Аристократическая позиция Ницше отрицает современное, чисто описательное определение культуры как продукта всякой человеческой деятельности, безотносительно к ее результатам, напротив, культура есть исключительно «сознательный, формообразующий принцип» [1, с. 16], требующий и правильного осмысления, и правильного выражения. Пайдейя и выступает практикой возвышения в человеке сущностно человеческого, разрывание всех его возможностей, обретение своего подлинного бытия.

Итак, подлинное образование, о котором говорит Ницше: во-первых, выступает не как средство для достижения утилитарных целей, а само является целью, по отношению к которой все остальное является средством; во-вторых, оно служит «вечному и неизменному намерению природы» — возвыситься до совершенства и явить миру подлинного гения. Несмотря на имеющие место обвинения Ницше в

антигуманизме, нигилизме и мизантропии, следует признать, что его педагогический идеал имеет целью не столько разрушение, сколько созидание — недостижимую, к сожалению, высоту, которая столь разительно расходится с нашей действительностью. В дальнейшем его педагогические идеи были продолжены как отчасти М. Хайдеггером в его критике образования как выставления «образца», установления предписания; образования как формирования благодушной успокоенности, обезличенного «Ман», «болтовни», «любопытства», так и М. Фуко в его размышлениях над концептами «культуры себя» или «заботы о себе» как превосходящих исключительно интеллектуалистские практики европейской культуры, бытовавшие в эллинистической и римской культурах духовно-терапевтические практики, некий способ жить, сближающий пайдейю скорее с искусством, чем с образованием. При всем при этом тема античного опыта воспитания до сих пор может представлять для теоретиков и практиков образования интерес, образец и загадку, достойную обращения к ней.

Литература

1. Йегер, В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Эпоха великих воспитателей и воспитательных систем. Т. 2. — М., 1997.
2. Корнющенко, Д. И. Элитарная концепция пайдейи в философии Фридриха Ницше: опыт философского исследования. — URL: http://lit.lib.ru/k/kornjushenko_d_i/text_0150.shtml (дата обращения: 27.08.2020).

3. Ницше, Ф. Несвоевременные размышления. — ИГ Лениздат, 2014. — 416 с.
4. Ницше, Ф. О будущности наших образовательных учреждений. Полное собрание сочинений: в 13 томах / Ин-т философии. — М.: Культурная революция, 2005. — Т. 3: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. — 480 с.
5. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах / Ин-т философии. — М.: Культурная революция, 2005. — Т. 7: Черновики и наброски. 1869–1873 гг. — 720 с.
6. Ницше, Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. — М.: Эксмо-пресс, 2018. — 160 с.
7. Фуко, М. Герменевтика субъекта. — М.: Наука, 2007. — 680 с.
8. Хайдеггер, М. Самоутверждение немецкого университета. Речь, произнесенная при торжественном принятии должности ректора университета во Фрайбурге 27 мая 1933 // Бурдые, П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. — М.: Праксис, 2003. — С. 248–252.

Сведения об авторе

Михаил Вячеславович Куликов: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин, кандидат философских наук. E-mail: philosophy_mk@mail.ru

Information about the author

Mikhail V. Kulikov: Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russia), associate professor in humanities, social, economic and natural sciences, candidate of philosophical sciences. E-mail: philosophy_mk@mail.ru